

МАРК ЛЕВИ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Марк Леви

Ноа

«Азбука-Аттикус»

2022

УДК 821.133.1-3Леви
ББК 84 (4Фра)-44

Леви М.

Ноа / М. Леви — «Азбука-Аттикус», 2022

ISBN 978-5-389-22005-8

Жизни многих людей в опасности. На карту поставлено будущее целого народа. Счет идет на минуты. «Группа 9», более сплоченная, чем когда-либо, бросается на выполнение миссии. Репортер-расследователь проникает на вражескую территорию. От Лондона до Минска, от Вильнюса до Рима – приключенческий шпионский роман с захватывающим саспенсом, история, которая бросает вызов и предлагает задуматься об окружающем нас мире. И, как всегда у Марка Леви, любовь витает в воздухе.

УДК 821.133.1-3Леви
ББК 84 (4Фра)-44

ISBN 978-5-389-22005-8

© Леви М., 2022
© Азбука-Аттикус, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Марк Леви
Ноа

Все имена, названия и события вымышлены, любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

В истории человечества, прошлой, настоящей и будущей, великая революция – та, которую совершают люди, решившие быть свободными.
Джон Ф. Кеннеди

Кэрл Кедвалледер

Моим детям, которым я желаю всегда жить в свободном мире

Marc Levy
NOA

www.marclevy.info

© Illustrations de Pauline Lévêque

© Marc Levy / Versalio, 2022

© Nastassia Brame, фотография автора на суперобложке, 2023

© Черезова Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа Азбука-Аттикус», 2023
Издательство Иностранка

Глава 1

Окрестина, Минск, Беларусь, утро пятницы

Дарья ждет в клетушке по соседству с комнатой для свиданий вот уже три часа. Двенадцать квадратных метров, свет с улицы едва просачивается сквозь зарешеченное оконце. На скамье могут разместиться три человека. Впрочем, слово «скамья» звучит слишком гордо для плоского металлического сиденья со спинкой. Дарья здесь одна, свидания – редкость, администрация почти никогда их не разрешает. Но сегодня – особый случай, Дарья должна встретиться с Николаем, чтобы его близкие получили подтверждение, что он жив и здоров. Такие пятиминутные свидания происходят раз в три месяца. Они – следствие невероятной истории, случившейся два года назад.

Николай – причина этой истории.

* * *

Весной 2020 года в стране, бразды правления которой двадцать семь лет кряду железной рукой удерживал один человек, победу на выборах одержала молодая домохозяйка без опыта и политических амбиций. Когда первые избирательные участки сообщили, что на большинстве бюллетеней отмечено ее имя, к ней домой устремился милицейский отряд.

Мужчины в форме вломились в квартиру с оружием в руках. Светлана встала перед детьми, заслоняя обоих собой. Сопровождавший омовцев тайный агент выделялся среди них черной одеждой и шляпой. За выпуклыми стеклами круглых очков в тонкой золотой оправе зрачки его голубых глаз казались ненормально большими. Он прошелся по гостинной двухкомнатной квартиры и остановился перед фотографиями в рамках, украшавшими икеевский стеллаж. Дорогие Светлане и Николаю кадры для него были удручающе банальны. На одном – пятилетний сын, на другом – дочь, на третьем – все семейство во время летнего отпуска; где снято – сказать невозможно. Оставив их, он небрежно полистал пару книг с полок и тут же вернул их на место, не найдя в этой беллетристике ничего крамольного. Жутковато улыбнувшись, предложил Светлане присесть на диван, а сам без приглашения устроился в вельветовом кресле напротив. Супруги переглянулись. Николай перехватил детей и прижал их к себе; омовцы никак не отреагировали. Светлана повиновалась.

– Вот как вы обращаетесь с вашим новым президентом? – дерзко спросила она.

Улыбка агента исказилась. Он бросил взгляд на детей.

– Как народ может доверить свою судьбу неопытной домохозяйке, учитывая нынешний расклад, экономический кризис, вызванный действиями Запада, и вмешательство соседей, которые жаждут нашего поражения, чтобы завладеть нашими богатствами?

– Какими богатствами? Народ, на который вы ссылаетесь, пашет с утра до вечера, чтобы заработать себе на еду и одежду, – парировала Светлана.

– Не перебивайте! У нас мало времени, ситуация вот-вот выйдет из-под контроля, а мои люди терпением не блещут. На чем я остановился?.. Ах да, так вот, по всей очевидности, на этих выборах вы проиграли.

– Ваше появление свидетельствует об обратном, – возразил Николай.

Агент проигнорировал его.

– Если вы и правда любите свою страну, вы точно не хотите, чтобы по вашей вине в ней начались беспорядки, – продолжал он цинично. – Хотя, если уж говорить о вине, вы и так виновны, что прискорбно. К счастью для вас, наш президент великодушен. По-моему, он даже питает к вам некоторое уважение, но это лишь мое скромное мнение. Вы провели прекрасную

кампанию для человека вашего положения, да к тому же еще и женщины. Хорошо развлеклись, вот и отлично. – Он цокнул языком. – Время от времени развлекаться – дело полезное, иначе жизнь была бы слишком скучна. Но с этим покончено. Наш президент столь щедр – и это делает ему честь, – что поручил мне передать вам предложение, от которого вы просто не сможете отказаться, настолько оно для вас выгодно. Разумеется, если вы не глупы, в чем я сомневаюсь. Вы публично признаете свое поражение и соберете вещи. Можете взять все, что нужно вашим ангелочкам, ну и пару книг, если пожелаете. Ночью мы сопроводим вас к границе с Литвой. Сюда вы не вернетесь никогда. Вы ведь выступали за свободу – можно подумать, мы тут не свободны, совершенно недопустимое предположение, – ну так будете счастливейшей в мире женщиной, ведь я дарю вам свободу оказаться подальше от нашей нации, которую вы столько критиковали.

– Вынужденный отъезд – это и есть ваше щедрое предложение?

– Да, и только для вас и ваших детей. А супруг ваш останется здесь, президенту необходима ваша лояльность за границей.

Условия сделки были ясны. Светлана и дети отправятся в ссылку, а Николай – в тюрьму, как гарант.

– Пока будете вести себя смирно, с вашим мужем будут хорошо обращаться. Не стану нагнетать, это временная мера, год-два, не больше. Когда сегодняшний день превратится в смутное воспоминание, при условии, что вы будете разумны, Николай сможет к вам присоединиться.

– А если я откажусь?

– Мои люди заберут вас вместе с мужем. Дети отправятся в приют, мы ведь не дикари. Но на Окрестина за вашу дальнейшую судьбу я отвечать не могу, я не получал на этот счет особых распоряжений. Решать вам.

Агент больше не улыбался. Когда он не смотрел Светлане в глаза, его взгляд не отрывался от начищенных до блеска ботинок.

Николай уговорил жену покориться. Два года тюрьмы ради спасения семьи – не так уж это и страшно.

Он крепко обнял детей, заверяя их, что скоро они снова увидятся, и заставил пообещать быть умницами и заботиться о маме. Они пообещали, глотая слезы. Старшей, которой почти исполнилось десять, он шепнул на ухо: «Когда-нибудь, маленькая, мы будем свободны, а они отправятся в тюрьму. Клянусь тебе!»

Светлану отвезли на границу с Литвой. Той ночью в ссылку отправились все, кто организовал кампанию в ее поддержку, и в их числе – Роман и Софья, ключевые фигуры сопротивления. Все они встретятся в Вильнюсе. Все, кроме Николая.

* * *

Наконец дверь в комнату свиданий открывается. Надзиратель жестом разрешает Дарье войти. Николай сидит на стуле, он в наручниках, которые приковывают его к кольцу, припаянному к металлическому столу, отделяющему его от посетителей. Надзиратель стоит рядом, следя за тем, чтобы они ничего не передали друг другу, и слушает их разговор.

– Не так уж плохо выглядишь, – говорит Дарья.

– Лучше, чем обычно, сама знаешь почему.

Дарья знает. За две недели до ее приезда пайку увеличивают, а побои прекращают, чтобы она могла засвидетельствовать, что он здоров.

– Она скучает по тебе, рассказывает о тебе детям каждый вечер, они тоже очень соскучились, но в Вильнюсе им хорошо, а скоро будет еще лучше, – продолжает девушка.

– Это главное.

Пока надзиратель, уставившись в экран смартфона, увлеченно взрывает разноцветные шарик, Дарья незаметно наклоняется к Николаю.

– Ты же понял, что Светлана поручила мне тебе сообщить?

– Они увеличат срок, – откликается Николай. Его голос дрожит.

– На каких основаниях? – обеспокоенно спрашивает Дарья.

– Ты знаешь, как все устроено. Те, кто осмелился выступить против властей, получают один срок за другим, обвинители находятся. Организация мятежа, террористическая деятельность, шпионаж – воображение у них хорошее.

Надзиратель поднимает голову, сообщая Дарье, что время свидания истекло. Она повиновется без возражений. Но, когда она уже собирается выйти, Николай отваживается преступить запрет: он встает и целует ее в щеку.

– Предупреди Романа, что он в опасности, – шепчет он ей на ухо.

– Держись, – выдыхает она в ответ.

Надзиратель резко отталкивает Николая дубинкой, и тот опускает глаза и ссутуливается, будто бы смиряясь с судьбой. В последующие недели его пайку урежут, а количество ударов, которые ему придется терпеть, будет зависеть только от настроения тюремщиков.

Дарья идет назад по зловещему коридору. Решетки на ее пути открываются и тут же закрываются. На выходе из тюрьмы она забирает свои вещи. Сумочка, паспорт, ключи и мобильник, в котором нет ни одного сообщения, а список контактов пуст.

Оказавшись на улице, она закутывается в шарф: по Минску гуляет ледяной ветер. Делает несколько шагов и оборачивается к серым бетонным стенам, которыми обнесены два офисных здания, превращенных в тюрьму, в зловещую цитадель, возвышающуюся в центре города. Дарья думает о Николае, который сейчас возвращается в камеру со скованными руками. Она не могла не отметить его худобу, бледность и упадок духа. Сдерживая слезы, она садится в машину.

По дороге на работу она позвонит Светлане и сделает вид, что все в порядке, чтобы ее успокоить. Ей удалось передать сообщение, и она надеется, что Николай понял, что имелось в виду. Вечером, когда Дарья вернется домой, она сразу же отправит Роману сообщение с защищенного смартфона, спрятанного в квартире.

* * *

Вечер, бюро по правам человека, Минск

Дарья слышит гудение пылесоса, заработавшего в соседнем помещении. Она выключает экран монитора. В офисе уже пусто. На часы можно не смотреть: уборщица соблюдает график лучше, чем поезда на вокзале Минск-Пассажирский. Подумав об этом, Дарья вспоминает о матери. Она не ездила к ней больше месяца. Слишком много работы: утром в редакции газеты «Наша нива», после обеда – в «Нехте», последнем свободном СМИ, а по вечерам – в бюро по правам человека. Титанический труд – с тех пор как власти любой ценой пытаются избавиться от неправительственных организаций. Запрет на кредитование, который введут не сегодня завтра, налоговые проверки, обыски, конфискация техники...

Сотрудники скинулись, чтобы свести потери к минимуму, и наняли парнишку-дилера, который теперь дежурит для них на улице. Он неплохо подрабатывает, ничего не продавая, а только высматривая машины милиции без опознавательных знаков. Выгодное соглашение для обеих сторон! Если он свистит дважды, в офисе начинается хорошо отработанное пред-

ставление. Три человека сдвигают автомат с напитками и поднимают доски пола, пряча под ними ноутбуки, отчеты, секретные документы и противоударные смартфоны с анонимными сим-картами. Как только все вещи оказываются в этом тайнике, автомат передвигают на место. Сотрудники бегом возвращаются на свои места и принимаются работать с блокнотами и ручками как ни в чем не бывало. Милиционеры конфискуют блокноты – ручки их не интересуют, тем более что они самые простые, пластиковые. Они переворачивают все вверх дном, чтобы попугать, показать, что власть у них, да и просто чтобы поразвлечься. Швыряют бумаги на пол, пинают копировальный аппарат – старую неубиваемую «конику». В бюро по правам человека ее окрестили самиздатом – за стойкость.

Дарья стоит у окна, в воздухе кружатся снежные хлопья. Раз снова пошел снег, значит, на улице немного потеплело, замок машины не замерзнет. Зимой она постоянно этого боится. Мужчины могут помочиться на заледеневший металл, а женщины нагревают замок зажигалкой. Глядя на парковку у здания, Дарья нажимает на иконку вызова и загадывает, что муж ответит до четвертого гудка.

Дарья извинится, что опять засиделась допоздна. Спросит, как дочь. Поужинала ли? Как у нее дела в саду? Дарья знает, что услышит в ответ. Михаил – примерный отец. Он тоже много работает, но всегда все успевает. Забрать дочь из сада, позаниматься с ней, поиграть, сходить в магазин, наполнить ванну... И как только он умудряется? Загадка. Но она все равно задаст эти вопросы, чтобы показать свою любовь к нему. Заботясь о других, она вынуждена пренебрегать близкими. И отсутствие упреков только усугубляет гложущее чувство вины.

Когда останутся позади пробки и холод, царящий в старой «школе» (на обратном пути Дарья позволит себе выкурить сигарету, а то и две, если пробки будут особенно ужасны, – с открытым окном, чтобы салон не пропах), когда она найдет свободную парковку в их большом спальном районе, когда поднимется на шестой этаж пешком, потому что лифт, как обычно, не работает, Михаил встретит ее в дверях и обнимет с неизменной нежностью. Стол уже будет накрыт, на конфорке электрической плиты будет готовиться ужин. Дарья снимет пальто, зайдет в детскую, поцелует дочь, устроится в изножье кровати и будет читать ей до тех пор, пока глазки не закроются. Еще один поцелуй в лоб, тихое «люблю» на ушко – и дверь бесшумно затворится.

Михаил отвечает на четвертом гудке.

– Постараюсь приехать как можно быстрее, – говорит она.

– Не переживай, у нас сегодня было много дел. У тебя все нормально?

От этого «у нас» у Дарьи колет сердце.

– Да, и будет еще лучше, когда окажусь рядом с тобой.

– Не гони, на дорогах лед.

– Ну да, и, боюсь, это еще надолго, – улыбается она.

– И все-таки будь осторожна. Мы тебя ждем.

Сердце снова колет. Дарья выключает свет, убирает документы в любимую сумочку из серо-бежевой кожи. Подарок Михаила на шестую годовщину свадьбы.

Под бледными лампами холла Дарья в последний раз за день заматывает вокруг шеи шарф. Михаил часто говорит ей, что у нее самый сексуальный затылок в мире. Большинство мужчин возбуждаются при виде груди, бедер или попы, но только не он; конечно, он утверждает, что ее грудь и попу он тоже любит, но, когда его поцелуи ласкают затылок, Дарья знает, что он ее хочет. Она не жалуется, вовсе нет: ей нравятся их объятия, то, как они занимаются любовью, минуты, которые принадлежат только им двоим, минуты, когда заживают все раны, забывается коррупция, подлость и несправедливость, с которыми она неустанно борется. Это чудесно, она его любит, хоть его спокойствие порой и выводит ее из себя.

Дверь машины беззвучно открывается. Двигатель урчит, коробка передач тихонько щелкает. Дарья сворачивает на Новосущевскую, опускает стекло и закуривает. С наступлением

ночи очнулся мороз. Город, кажется, не засыпает никогда, даже на темных улицах, где попадаются только бродячие кошки да одинокие прохожие. Она выезжает на шоссе; вдали поток машин замедляется, на мосту пробки с тех пор, как левую полосу перекрыли из-за ремонта. «Шкода» ползет еле-еле, Дарья глубоко затягивается. У сигареты вкус карамели. В выходные она свозит дочку к бабушке. Дом, где Дарья выросла, все такой же скромный, но уютный. Пока Михаил будет работать, они втроем прогуляются по лесу, поиграют в снежки, а вечером будут упоенно петь у камина. Дарья поворачивается, чтобы выбросить окурочек. Водитель соседней машины вежливо ей улыбается. Ему, должно быть, тоже хочется поскорее вернуться домой, как и всем, кто сейчас стоит в пробке после долгого рабочего дня. Наконец машины трогаются, Дарья пытается включить первую передачу, но рука ее не слушается. Под левой грудью колет – не слишком сильно, просто какое-то странное жжение. И тут вдруг она начинает задыхаться. Может, от холода? Она кашляет, и рот наполняет привкус металла. Она кашляет снова, приборная доска покрывается красными каплями. В глазах мутится, Дарья впадает в панику; страх придает ей сил, и невероятным усилием воли она прижимает руку туда, где разрастается боль: ладонь залита кровью. Машины позади нее яростно сигналият, требуя, чтобы она ехала дальше. Она опускает взгляд на сумочку на пассажирском сиденье. Нужно вытащить мобильник, предупредить Михаила, вызвать скорую, но силы кончились. Пуля, пробившая дверь машины и ее тело в то самое мгновение, когда убийца улыбнулся, задела полую вену. Дарья истекает кровью, в глазах темнеет, она думает о дочке. Она обещала ей почитать перед сном...

Сердце Дарьи останавливается. Оно билось тридцать семь лет.

Глава 2

Зал видеоконференций.

Экран мерцает, микрофон потрескивает.

Соединение установлено по защищенному протоколу.

Начало стенограммы.

– Добрый вечер, вы в надежном месте?

– Да, не беспокойтесь. Кажется, вы звоните по какому-то срочному вопросу.

– Можем ли мы поговорить о Дарье?

– Ее смерть тоже вас гнетет? Впрочем, стоит ли спрашивать, я ведь даже не знаю, к кому обращаюсь... к кому или к чему.

– Не нужно пытаться меня задеть.

– И все-таки, с кем я разговариваю, с Ноа или с искусственным интеллектом?

– Я же сказала, она – это я, я – это она. Мы «9».

– Дарья работала над досье «Андорра». Я передала ей, как и некоторому количеству других наших единомышленников, доказательства коррупции властей предержащих и бизнесменов из ее страны. Мы неоднократно общались с ней на эту тему за последние полгода. Я чувствую себя ответственной за случившееся.

– Не вы заказали ее убийство и не вы в нее стреляли. Дарья – девятьсот тридцать девятая журналистка, убитая за последние десять лет. Тридцать пятая за год. И все они расследовали случаи коррупции, расхищения бюджетных средств или криминальные структуры.

– Большие всего меня поражает, сколько людей считают, что это неизбежные риски моей профессии.

– И эти риски выше, чем когда бы то ни было. Хищники уже не могут довольствоваться дезинформацией, этого недостаточно, чтобы прикрыть их злодеяния. Несмотря на то что досье «Андорра» вывело некоторых из них на чистую воду, они настолько уверены в своей безнаказанности, что без колебаний прольют кровь, чтобы достичь задуманного.

– Но они не смогут уничтожить всех нас.

– Но запугать вас, чтобы вы молчали, могут. Дженис тому пример, и, к слову, она в опасности.

– То есть как это – в опасности?

– Вчера мне удалось предотвратить несчастный случай.

– Какой несчастный случай?

– Светофоры на двух пешеходных переходах в нужный момент переключились на зеленый, образовалась пробка, и в нее попал грузовик, который должен был сбить Дженис. Она ничего не заподозрила.

– Вы хотите, чтобы я ее предупредила?

– Нет, я ищу способ ее отговорить, и, возможно, вам удастся мне помочь в этом.

– Отговорить от чего?

– От поездки в Минск.

– А что она собирается делать в Минске?

– Она хочет раздобыть важные данные и передать их тем, кто борется с режимом Лучина. Чтобы в определенном смысле отомстить за Дарью.

– Почему «Группа» интересуется Лучиным?

– В последние годы, как мы видим, авторитарные системы укрепляются и объединяются, стремясь к одному: уничтожить демократию в мире. Сегодня это уже не вопрос идеологии, а козни горстки автократов, желающих поработить простых людей. Их жажда власти и наживы

не знает предела. Если мы не окажем им отпор, образуются новые империи, которыми будут править эти хищники. У них нет морали, их не пугает ни осуждение, ни экономические санкции, у них нет простых привязанностей и радостей в жизни. Хищники боятся только одного: что народ восстанет и свергнет их с трона. «Группа» считает своим долгом оказывать поддержку тем, кто пытается избавиться от угнетающего население диктатора.

– *О каких именно данных вы говорили?*

– О данных, с помощью которых можно будет вытащить из тюрьмы ключевого представителя оппозиции. Человека, чье освобождение, возможно, повлечет за собой свержение диктатора... Вот почему он получает все новые и новые сроки за несовершенные преступления. Но у Дженис ничего не получится. Поверьте мне на слово, я просчитала вероятности успеха ее плана, и они ничтожны.

– *Так почему бы не попросить ее друзей-хакеров ее переубедить? Матео, Екатерину или других... Они ведь работали вместе.*

– У меня есть на то причины.

– *Чего же вы ждете от меня?*

– Согласитесь ли вы защитить Дженис от подстерегающей ее опасности? Ведь она тоже журналистка, как вы.

– *Но как я могу ее защитить?*

– Поговорим об этом, когда придет время...

* * *

Осло

С начала учебного года, с тех пор как они с Матео предотвратили теракт на территории кампуса, где Екатерина преподает право, она полюбила свою работу еще сильнее. Каждое утро она просыпается в своей студии на последнем этаже многоэтажки с ощущением, будто ей подарили новую жизнь. Встав с постели, она какое-то время наблюдает за городом из окна, любуется крышами, спускающимися к порту. Приняв душ, она проверяет почту за чашкой кофе, собирает материалы для занятий и садится в машину. До университета ехать всего пятнадцать минут. Екатерина оставляет свою «Ладу» на парковке кампуса. К учебным корпусам стекаются потоки студентов. Ей так нравится бурлящая здесь жизнь. Екатерина постриглась и обновила гардероб. Она больше, чем когда бы то ни было, полна решимости продолжать борьбу, из-за которой стала такой неординарной женщиной.

Когда рабочий день заканчивается и ее ученики разбредаются по парку или отправляются в библиотеку, она идет в супермаркет, неспешно прохаживается по отделам, выбирая быстрый ужин, который съест перед ноутбуком, пока будет готовиться к завтрашним занятиям. Вечерами пиксельное окно связывает ее с внешним миром. Иногда, между полуночью и половиной второго, она перекидывается парой слов с Матео. Дату и время очередного тайного свидания она узнает из зашифрованного сообщения. Матео в Риме, но их сообщения проходят через множество серверов, разбросанных по всему свету, и каждый раз через разные. И даже несмотря на эти меры предосторожности, они нарушают правила безопасности.

С тех пор как досье «Андорра» было обнародовано, члены «Группы 9» по мере возможности избегают общения между собой. Киберполиция стран, где властвуют хищники, ищет тех, кто передал прессе миллионы обличающих документов. И, как будто этого мало, хищники объявили охоту за головами: частному агентству кибербезопасности, которое сумеет раскрыть личности хакеров, похитивших 298 миллионов долларов за одну ночь, в награду обещана шестизначная сумма. Хищение само по себе ничего не изменило в ситуации несправедливого распределения благ, но его жертвами были руководители крупных фармацевтических компа-

ний. Если те, кто дерзнул их ограбить, останутся безнаказанными, это скажется на текущем распределении сил, а этого хищники допустить не могут. Кара, которая постигнет виновных, когда те будут пойманы, отвратит других от попыток сопротивления. Чтобы стать новыми повелителями мира, хищники должны быть единственными, кто внушает страх.

Вот только никакая киберполиция, никакой «серый» хакер не может помешать общению Екатерины и Матео. Ничто не в силах запретить любовь, жаждущую жить, даже если это чувство связало двух одиночек, которые любить не умеют.

* * *

Воскресенье, Тель-Авив

Дженис ворвалась в кабинет Эфрона. Редактор ежедневной газеты «Гаарец» хотел было напомнить ей, что элементарные правила вежливости требуют стучаться перед тем, как войти, но, увидев перекошенное лицо сотрудницы, передумал.

– Это люди Лучина, – бросила она, взгромоздившись на край стола.

Эфрон перевел глаза на свои бумаги.

– У тебя есть доказательства?

– Да все это знают, и ты тоже. Он держит прессу в узде, конфискует у журналистов оборудование, сажает их, а если не сажает, то приказывает избить. А теперь еще и убивает посреди бела дня.

– Все так, но в случае с Дарьей у нас нет ничего конкретного. Мы обязаны не делать необоснованных предположений. Работа Дарьи многим мешала. Не только Лучину, но и поддерживающим его олигархам.

– Конечно, они его поддерживают, он ведь их кормит. Расследование закончится ничем, и это тебе тоже известно, – буркнула она, вытаскивая пачку сигарет.

– Не кури у меня в кабинете, пожалуйста! Напоминаю, что в офисе курить запрещено законом.

– Я за этот закон не голосовала, – отвечала Дженис, закуривая.

– Я потрясен не меньше тебя, все журналисты скорбят, но...

– Если скажешь, что это риски нашей профессии, напишу заявление об уходе.

– Кишка тонка!

Дженис подошла к окну, погруженная в раздумья.

– Представляешь, ее дочери всего пять!

– Открой окно! – раздраженно приказал Эфрон.

– Хочу поехать на похороны.

– За свой счет или за мой?

– Я все оплачу сама, не переживай.

– Что же тебе нужно, если не аванс?

– Виза. Придумай какое-нибудь интервью с чиновником, чтобы польстить белорусским властям. Они такие тщеславные, точно купятся.

– Польстить властям, ты серьезно? Сама знаешь, они редко дают аккредитацию иностранным журналистам. У тебя же есть связи повыше, в правительстве, – Ноа могла бы сделать тебе визу. Кстати, ты не в курсе, как у нее дела?

– Нет. То есть да... – промямлила Дженис. – Она сейчас очень занята.

– Но у нее все в порядке?

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что последние месяцы, когда я о ней заговариваю, ты делаешь постную мину.

– Мы поругались, – солгала Дженис – она так и не нашла в себе сил рассказать Эфрону об исчезновении Ноа.

Полгода назад из квартиры Ноа испарились все следы ее пребывания. И с тех пор о ней ничего не было слышно. Когда Дженис явилась в штаб израильской разведки, надеясь узнать, что произошло с ее лучшей подругой, начальник Ноа встретил ее очень холодно и быстро выпроводил. Все, что осталось от Ноа, – очередная звезда Давида на белой стене – память об агентах спецслужб, погибших на задании.

– Попробуй получить туристическую визу, – предложил Эфрон.

– Туристическая поездка в серый зимний Минск? Как-то неправдоподобно, – откликнулась она, барабанив по экрану смартфона. – Хотя...

– Что «хотя»?

– Музей Марка Шагала в Витебске.

– Не знал, что в Беларуси есть такой музей.

– Я могла бы немного поважничать и поэпатировать тебя, но, если честно, я сама только что прочитала об этом в сети. – Она помахала смартфоном в воздухе. – В этом музее выставляют его цветные литографии из серии «Двенадцать колен Израилевых». И разве можно написать достойный материал о художнике, не побывав в доме, где он провел детство?

– Ты невыносима. Хотя, пожалуй, – задумчиво сказал Эфрон. – Шесть полос о Шагале в воскресном выпуске – не такая уж плохая идея. Я давно ничего о нем не читал.

– Так как насчет визы? – гнула свою линию Дженис с легкой улыбкой.

– Ладно, я этим займусь. А теперь можно мне поработать?

Дженис направилась к двери и уже на пороге обернулась:

– Мог бы пожелать мне удачи.

– Со статьей? Кажется, ты уже вышла из этого возраста.

– С судебным разбирательством, которое начнется завтра, в Лондоне.

– Завтра? Прости, не знал.

– Если бы ты хоть немного меня поддержал тогда, то знал бы.

– У тебя проблемы не из-за твоих статей, а из-за речи на конференции. Как бы я объяснил, что мы оплачиваем тебе адвоката, с нашими-то убытками?

– Журналистика – командная игра, Эфрон. Ответственность в равной мере несут те, кто пишет, и те, кто печатает. Мои высказывания в адрес Кэша неотделимы от расследования делишек этого продажного миллиардера, а его я проводила для тебя.

Эфрон нахмурился и уткнулся в бумаги.

Дженис вернулась в редакцию, собрала вещи и отправилась домой.

* * *

Похороны коллеги, чьей отвагой Дженис восхищалась еще до того, как ей довелось работать вместе с ней над одним секретным расследованием, были не единственной причиной отправиться в Беларусь.

В сентябре прошлого года Дарья освещала очередные массовые протесты против Лучина. После выборов 9 августа, когда объявили, что цепляющийся за свое кресло автократ переизбран, каждое воскресенье на улицах столицы и крупных городов собирались толпы, требующие его отставки. Дарья и ее фотограф, как обычно, были с протестующими, собирали свидетельства происходящего. Спасаясь от омоновцев, они укрылись в каком-то магазине. И тут в него ворвались люди без формы, в балаклавах и приказали всем немедленно лечь на пол. Дарья вытащила пресс-карту. Но документ ее не защитил, скорее наоборот: именно из-за него она угодила в камеру. Фотографа избили дубинками, целясь по рукам. Они провели три дня в заключении, без еды, без элементарных удобств, и каждые шесть часов их подвергали допросу с пристрастием. А потом еще шесть дней в больнице, пока они не восстановились настолько, чтобы вернуться к работе. Но Дарья была из тех, кто никогда не жалуется. Она писала Дженис,

что, пускай небо в Минске не такое голубое, как в Тель-Авиве, зато здесь всегда что-то происходит. Юмор помогает пережить невзгоды.

* * *

Привлеченный шумом, Давид вошел в спальню Дженис. Дверца гардероба распахнута, кровать завалена одеждой, косметичка набита битком.

– Опять меня бросаешь? – с укором спросил он у подруги.

– Ненадолго. На неделю, может, на две.

– Две недели – это ненадолго, по-твоему? Куда ты собралась?

– Защищаться в суде. Ты, похоже, забыл, но завтра после обеда в Лондоне будет первое слушание по моему делу.

– Не забыл, просто думал, что лучше с тобой об этом не говорить. Ты готова?

– А вот об этом лучше спросить моего адвоката.

Давид вытащил из дорожной сумки Дженис всю одежду, аккуратно сложил то, что ему понравилось, а остальное побросал на пол. Она закатила глаза.

– Наденешь эту юбку и эту рубашку, элегантно и без претензий.

– Меня не по одежде будут судить, – возразила Дженис, выхватывая у него юбку.

Давид тут же отобрал ее снова, сложил и вернул на место.

– Ты делала свою работу, пролила свет на гнусные делишки британского магната.

– Да, а теперь он обвиняет меня в клевете. Если я проиграю, это меня разорит.

– Да ты и так разорена. На самом деле Эйртону Кэшу нужны не деньги, он хочет погубить твою репутацию. Раз он на тебя нападает, значит, он тебя боится, вот и все! И он проиграет. Они не рискнут тебя осудить, Великобритания не встанет в один ряд со странами, где затыкают прессу и предоставляют продажным миллиардерам полную свободу действий.

– Боюсь, что продажные миллиардеры и так уже пользуются полной свободой действий. Премьер-министр и его окружение завязли в этом деле по уши, они закрыли глаза на делишки Кэша, потому что это в их интересах. Но кое в чем ты прав: им нужна моя шкура, – сказала Дженис с беспомощной улыбкой.

– Не смей строить из себя жертву, судьи должны видеть целеустремленный взгляд отважной журналистки, которой я горжусь. Поняла меня?

– Ты чего-то хотел, Давид?

– Да, сказать тебе, что вечером мы идем в ресторан, чтобы ты переключилась, и это не обсуждается, – заявил он, закрывая ее сумку.

* * *

Давид и Дженис вместе снимают шикарный дом в районе Флорентин. Он художник, но блещет скорее умом, нежели творческими способностями. Любит поворчать, когда в хорошем настроении; искренне восхищается работой Дженис, что, впрочем, не мешает ему ее критиковать; она – его муза, он – ее конфидент; она скупает на барахолках предметы декора, которыми заполнена их гостиная, он готовит и постоянно убирает за ней; он – порядок, она – хаос; и все-таки у них есть что-то общее. Дом трясется от их ругани и хохота, а по вечерам они веселятся вместе или просто болтают обо всем на свете за кухонным столом.

* * *

Праймроуз-Хилл, Лондон

Корделия больше не живет в Кэмдене. Ей очень нравился этот бурлящий жизнью район, где она забыла о том, что она иностранка. Но она не может заставить себя вернуться в лофт, где убили Пенни Роуз. Преступника так и не нашли. С Корделии быстро сняли обвинения: в момент убийства она была в Мадриде. Девушки дружили, и один из соседей подтвердил, что Пенни Роуз всегда жила у Корделии, когда та уезжала. Полиция пришла к выводу, что имело место неудавшееся ограбление.

Теперь Корделия живет на Праймроуз-Хилл. Аренда дома обходится ей в немыслимую сумму, но девять лет назад она конвертировала свои сбережения в биткойны, и с тех пор 10 000 фунтов стерлингов приумножились многократно, превратившись в целое состояние. Впрочем, образ жизни Корделии ничуть не изменился. Она по-прежнему работает в агентстве кибербезопасности, передвигается по большей части на велосипеде, а в дождь отдает предпочтение метро и автобусам, не такси. Она не устояла только перед одним соблазном: иметь просторное жилище. Что может быть ценнее в городе, где стоимость квадратного метра считается одной из самых высоких в мире? Она переехала в чудесный дом с минималистичным интерьером на Риджентс-Парк-роад. Полгода спустя неразобранных коробок в нем все еще больше, чем мебели.

Корделия ведет размеренное существование. Каждое утро она завтракает в кафе «У Сэма» – две чашки кофе и круассан с ветчиной, – потом едет на работу, пятнадцать минут на велосипеде. Обед она заказывает через приложение, неизменно оставляя курьеру щедрые чаевые, и ест в одиночестве, не отрываясь от экрана. После того как Корделия остановила кибератаку на известную британскую газету (кибератаку, которую они с друзьями и организовали), она получила повышение. Стеклопанные перегородки ее нового кабинета становятся непрозрачными при нажатии кнопки, и это технологическое достижение служит ей хорошую службу, когда она использует мощные компьютеры агентства в благих, но незаконных целях. За последние месяцы ее неоднократно пытались захомутать охотники за головами, предлагая более высокооплачиваемые должности у конкурентов. Но она не поддавалась. Ее работодатели всецело ей доверяют, и это учитывая ее тайную деятельность, куда ценнее прибавки в зарплате, какой бы существенной она ни была. Если какую-нибудь из ее хакерских операций раскроют, чего до сих пор еще не случилось, ей достаточно будет сослаться на проверку безопасности. Разве можно убедиться в надежности защиты, не пытаясь ее пробить?

С работы Корделия всегда уходит в 18:30. Ночные смены уже давно делят между собой ее подчиненные. Конечно, в случае кибератаки ей приходится поспешно возвращаться в Мейфэр, чтобы возглавить свой отряд, но это редкость.

Этим вечером, когда она вышла из спортзала, что-то сказало ей, что за ней следят. Очень неприятное ощущение. С тех пор как она стащила портфель с компрометирующими документами, похитила почти 300 миллионов долларов во время хакерской операции «Группы» и помогла передать досье «Андорра» прессе, ей удавалось сохранять видимость спокойствия, но на самом деле она постоянно нервничала. У Корделии обострилось шестое чувство, и, на ее взгляд, даже чересчур. Витя, ее любовник, мужчина со множеством достоинств, от которого она без ума, хоть он и живет в Киеве, посоветовал ей заняться медитацией, но лучше не стало.

Но на сей раз ей не почудилось, это точно. Когда она отпирала замок на цепи велосипеда, она почувствовала на себе чей-то взгляд, резко обернулась и за запотевшим окном паба заметила женскую фигуру.

Сердце бешено заколотилось в груди. Она огляделась, осматривая пешеходов и припаркованные машины, чтобы убедиться, что ее не ждет засада. Вокруг не было ничего необычного, вот только ощущение, что скоро случится что-то плохое, ее не покидало. Она подумала было, не вернуться ли ей в спортзал, чтобы там укрыться, но потом убедила себя, что воображение сыграло с ней дурную шутку, и села на велосипед.

По дороге она часто оглядывалась, но не видела ничего, кроме длинной вереницы машин, которые, как обычно, еле ползли по загруженным вечерним улицам. На каждом светофоре в трех-четырех машинах позади маячил черный «мини».

– Ну ладно, посмотрим, – пробормотала она, остановившись в пятый раз.

Корделия резко развернулась, проехала в обратном направлении, свернула в сквер Святого Марка, стремительно промчалась по Принсес-роад и притормозила только на своей улице – чтобы сохранить репутацию, ведь в это время все соседи выгуливают собак. И остановилась как вкопанная, увидев перед своим домом черный «мини». Сколько вообще «мини» в Лондоне? Наверняка сотни, а может, и тысячи. Фигура за рулем слишком худая, это точно не Малвейни, громила, который полгода назад пытался ее прикончить.

Она прислонила велосипед к фонарю, пригнулась, чтобы спрятаться за припаркованными автомобилями, и, крадучись, двинулась вперед. Мистер Клифорд, живший в четырех домах от нее, вежливо с ней поздоровался, не слишком удивляясь странной походке соседки. В конце концов, поясницу может скрутить в любом возрасте, да и вообще это же Англия, здесь не принято ничему удивляться.

Корделия прокрасалась до «мини» и попыталась разглядеть лицо водителя в зеркале, но тут вдруг дверца открылась.

– Когда ты перестанешь валять дурака...

Это был голос Майи. Корделия резко выпрямилась, тщетно пытаясь вернуть себе утраченное достоинство.

– Может, сядешь? – предложила Майя.

Корделия залезла в «остин», и тот тут же стартанул. Прочувствовав на себе спортивный стиль вождения Майи, она торопливо пристегнула ремень.

– Спасибо за доверие, – вздохнула Майя.

– Позволь спросить, что это за игры такие?

– Я за тобой слежу уже два дня, а ты до сегодняшнего вечера ничего не замечала?

– Вопрос в том, почему ты за мной следишь?

– Чтобы убедиться, что за тобой не следит никто другой...

– Напомни, чем ты занимаешься, когда не взламываешь системы? – поинтересовалась Корделия.

– Организую туры.

– И что же ты делаешь в Лондоне?

– А ты как думаешь? Клиентов сопровождаю.

– Мы не должны были встречаться еще полгода. Таковы правила.

– Правила созданы, чтобы их нарушать, особенно если ситуация обязывает.

– Притормози немного.

Майя ослабила давление на педаль. Мельком глянув в зеркало заднего вида, она вытащила из кармана флешку и положила ее на колени Корделии.

– Вот инструкции. Контакты автобусных компаний, адреса школ и домов престарелых, которые послужат пунктами сбора, списки того, что ты должна заказать, – оплачивай криптовалютой – и адреса доставки. И не смотри на меня так, действовать иначе было бы неосторожностью, ты даже не представляешь, сколько хакеров на нас охотятся.

– Представляю, – откликнулась Корделия. – Но они по-прежнему не знают, кто мы.

– Пока не знают. Вот почему я предпочла передать тебе эти данные лично.

Майя объехала весь Праймроуз-Хилл и припарковала «мини» в нескольких метрах от дома Корделии.

– Не хочешь выпить чего-нибудь? – предложила та.

– Нет, у меня нет времени, – ответила Майя.

– Не знаю, что я тебе сделала, но у меня такое впечатление, что я тебе не нравлюсь. Когда мы были в особняке, ты как будто постоянно меня избегала.

Майя пристально посмотрела на нее:

– Ты не права.

– Ясно.

– Да ничего тебе не ясно, ты только Витю замечаешь. Когда он тебя целует, просто ноги отнимаются, а?

– Ты могла бы поделikatнее подбирать выражения?

– Ой, прости, я не нарочно. Как дела у твоего брата?

– Так, как-то. Мы с Диего редко общаемся по известным тебе причинам.

– А о других ты что-нибудь знаешь?

– Тоже нет.

– Матео попросил меня заверить тебя в его нерушимой дружбе, правда, он как-то получше это сформулировал, – сообщила Майя.

– Думаешь, у нас есть шансы?

– Достаточно одного. Ладно, у тебя есть все, что нужно для твоей части работы, а я только что закончила один из этапов своей, но дальше мне придется изрядно постараться.

Корделия не стала расспрашивать Майю – все равно та ничего ей не скажет. Она поцеловала ее. Майя улыбнулась и наклонилась к стеклу со стороны пассажирского сиденья.

– Будь осторожна, Корделия. Если нам удастся эта авантюра, мы войдем в легенды, но если провалимся...

– Лучше замолчи, я слишком суеверна.

Они помахали друг другу, и «мини» сорвался с места. Корделия пошла за велосипедом. Домой она вернулась ненамного позже обычного.

Дом Корделии, Праймроуз-Хилл

Глава 3

Вечер, Рим

Матео провел вторую половину воскресенья в улье, и только к вечеру наконец решил вернуться домой. Ульем он прозвал офис своей компании. Никто в жизни не догадается, что стены старинного особняка с охряной черепицей, красующегося на Виа Эцио, скрывают цифровой нервный узел. Серверы с мигающими лампочками за стеклянными перегородками разделяют большое помещение на сектора геометрически правильной формы. По полу тянутся пучки проводов. И в каждом таком секторе на длинных столах стоят ряды компьютеров, за которыми трудятся десятки женщин и мужчин. Двести человек на трех этажах.

В кабинете Матео есть потайная дверь, ведущая в соседнее здание. Он купил там квартиру несколько лет назад, обеспечив себе незаметный доступ к своему жилищу – и эвакуационный выход. Через люк в подвале дома можно спуститься в канализацию. Матео неоднократно совершал это упражнение с секундомером: переходил в соседнее здание, спускался на три этажа вниз, а потом в подвал и оттуда проникал в подземный лабиринт. Через семь минут он выходил на улицу в четырех кварталах, а через десять – в саду у Понте Реджина Маргерита.

Матео не забыл урок, который жизнь преподала ему в детстве. Хорошо подготовиться к побегу – единственный способ гарантированно спастись. Он не пренебрегает мелочами и в последние месяцы усилил защитные меры. От этого пострадали их с Екатериной отношения, но, ограничивая общение с ней, он заботился о ее безопасности.

В обеденный перерыв Матео часто шел на Пьяцца Навона и устраивался на скамейке у фонтана, который так ей понравился. Хакер наблюдал за туристами и, когда силуэт какой-нибудь женщины напоминал ему о любимой, он снова и снова вспоминал часы, которые они провели в Риме вдвоем. Никогда не страшившийся одиночества, теперь он чувствовал, что оно его угнетает. Возвращаясь в офис, он останавливался под аркой, где они укрылись от посторонних взглядов, чтобы насладиться объятиями. А по вечерам ужинал у себя, и компанию ему составляла только книга. Порой он думал, что эта вынужденная разлука идет на пользу им обоим. Понадобится еще немного времени, чтобы Екатерина дала себя приручить.

В 21:30 на телефон Матео пришло сообщение, уведомляющее, что Майе удалось передать инструкции Корделии. Завтра один из его сотрудников отправится в Мадрид, чтобы встретиться с клиентом. Там он отправит письмо на адрес ресторана Диего – брошюрку, рекламирующую вина Риохи. Неделей раньше Диего пришла бандероль с журналом – опубликованный в нем кроссворд содержит ключ к зашифрованному в брошюре сообщению.

Матео открыл ноутбук. Последние три месяца он покупал в даркнете оборудование и информацию, необходимые для новой миссии, еще более амбициозной, чем все предыдущие операции «Группы»: взломать инфраструктуры тоталитарного государства, обеспечить побег политзаключенного и помочь населению страны свергнуть диктатора.

Он вывел на экран карту погранпункта Каменный Лог с тремя заправками на шоссе N7726, отметил на ней интересующие его объекты, топографические особенности местности, заброшенные здания, дороги второстепенного значения, лески. А потом принялся внимательнейшим образом изучать план городка Ошмяны. При этом он упорядочивал данные по одному ему понятному принципу. Каждый вечер он записывал итоги работы на флешки, защищенные кодом, который необходимо ввести в течение десяти секунд после подключения. Если в отведенное время правильная комбинация символов не будет введена, флешка переформатируется. В час ночи Матео отправил сообщение на сервер в Онтарио, оттуда оно тут же улетело в Рейкьявик, потом в Танжер, Мехико, Йоханнесбург, Сидней и наконец в Копенгаген.

Он выключил ноутбук, от души потянулся и пошел спать.

* * *

Мадрид

Последние посетители уже покинули ресторан. Свет в зале приглушили, рольставни опустили. Официанты заново накрыли столы, два бармена протерли бокалы и надраили барную стойку. На кухне посудомойщик закончил складывать посуду на металлические стеллажи рядом с плитой, снял фартук и направился к гардеробу. Диего дождался, когда за ним закроется задняя дверь. Он наклонился у перил мезонина, чтобы убедиться, что ресторан опустел, и вернулся в свой маленький кабинет.

Сев за компьютер, он прочитал сообщение, которое Матео отправил ему на копенгагенский сервер. Операция началась. Он подумал о сестре. Звонить ей было небезопасно, но очень уж хотелось услышать ее голос.

Смартфон Корделии звонил и звонил. Она не спала, а играла в теннис – в шлеме виртуальной реальности и с джойстиком в руках. Взмокшая от напряжения и увлеченная игрой, она металась по пустой гостиной, с криком отбивая виртуальные подачи, подпрыгивала к невидимой сетке. Соперник, судя по всему, ей достался сильный. Соперник, который, вероятно, находился на другом конце света и о котором она никогда ничего не узнает – ни как его на самом деле зовут, ни как он выглядит. Чудеса современных технологий – или их трагедия.

Диего еще раз попытался дозвониться до сестры, и опять безуспешно. Он вписал выручку за вечер в бухгалтерскую книгу и, измотанный рабочим днем, включил сигнализацию, вышел из ресторана через заднюю дверь и поехал домой на мотоцикле.

Тем временем из Москвы в Лондон улетело сообщение о том, что «Мадрид» совершил два звонка по вай-фаю продолжительностью десять секунд и три секунды. Недостаточно долго, чтобы определить IP-адрес второго абонента.

Смартфон Диего был заражен «Пегасом» – шпионской программой, разработанной израильской службой безопасности. Выявить ее невозможно, на это не способен даже Диего, который умеет обходить любую современную защиту. Та же программа была внедрена на мобильный телефон невесты Джамали Хашогги, журналиста «Вашингтон пост», жестоко убитого в консульстве Саудовской Аравии в Стамбуле.

Мадрид

Глава 4

Тель-Авив, понедельник, раннее утро

Дженис встала с постели и тут же плюхнулась обратно: комната покачивалась перед глазами. Ужин с Давидом плавно перетек в гулянку по клубам Флорентина, которая прошла прекрасно, если не считать последствия в виде жуткого похмелья. Когда-нибудь, пообещала она себе, она станет благоразумной, но пусть это будет нескоро. Душ помог ей прийти в себя. Дженис надела выбранный лучшим другом наряд и взяла сумку. Давид, наверное, еще спит, да и в любом случае прощаний она не любит. Она накарябала записку и положила ее на кухонный стол, в последний раз оглянулась на дом и по улице Левински дошла до автобусной остановки.

В автобусе она открыла блокнот и, перечитывая записи, которые сделала вместе с адвокатом, почувствовала, как внутри поднимается волна глухой ярости. Она уличила его в преступлениях, а он привлек ее к суду. Мир вывернулся наизнанку. Как можно закрывать глаза на такое количество растрат, махинаций, нарушений закона, совершаемых ради власти и денег? В ее распоряжении были заявления и свидетельства заслуженных профессоров права, дипломатов, финансистов, руководителей следственных комиссий, членов парламента. Но ничто из этого не убедило правительство Терезы Мэй перейти к действию. Англичане ничего не выявили, потому что ничего и не искали, как сказал один из руководителей МИ-6, секретной разведывательной службы ее величества. Британская демократия перестала быть настоящей демократией, на выборах происходят нарушения, короной распоряжаются олигархи, а перед судом предстает она, журналистка.

Автобус проехал неподалеку от здания, где работала Ноа. Дженис подняла глаза. В 2016 году они в очередной раз встретились на террасе кафе, чтобы пообедать, и именно тогда все и началось. Ноа предложила ей внимательно изучить, что происходит в американском «Твиттере» и на «Френдзнете» за несколько месяцев до президентских выборов. К такому предложению из уст агента израильской разведки следовало отнестись серьезно. Ноа не стала бы нарушать правила конфиденциальности просто так, значит, речь идет о настоящей сенсации. Дженис на мгновение подумала, что она действует по заданию. Когда правительство какой-то страны вынуждено хранить молчание по дипломатическим соображениям, иногда оно допускает утечку информации, следя, чтобы она попала к надежным людям, к тем, кто не выдает источников. Их с Ноа дружба это гарантировала. Но именно потому, что они лучшие подруги, Дженис заключила, что Ноа не стала бы ее использовать.

Дженис полетела в Нью-Йорк, потом в Вашингтон и в Калифорнию, чтобы встретиться с коллегами. И во время этого путешествия создала три профиля в «Твиттере» и на «Френдзнете». Три профиля, якобы принадлежащие американцам разных политических взглядов: левому, центристу и правому. Вскоре она обнаружила, что в новостных лентах разных площадок появляются неправдоподобные посты, различающиеся в зависимости от позиции подписчика – от того, консерватор он, либерал или придерживается умеренных взглядов.

Хилари Клинтон, кандидата от демократов, обвиняли в том, что она русская шпионка, стремящаяся уничтожить иудеохристианскую цивилизацию. В других постах приводились доказательства (сфальсифицированные) серьезного ухудшения ее здоровья. Легкое недомогание после перелета преподносилось как нарушение мозгового кровообращения, а недолгое замешательство перед камерой выдавали за свидетельство того, что она не вполне адекватна. За этим последовали многочисленные обвинения в предательстве, основанные на сообщениях, якобы отправленных со смартфона Клинтон и хранящихся на некоем личном сервере, на сообщениях, которые никто не имел возможности прочитать, потому что они были удалены.

Дженис проверила авторов этих постов с ложными или перевернутыми сведениями и выяснила, что в большинстве случаев это боты, программы, работающие по определенному алгоритму. Ссылки в них систематически вели на сайты, оформленные как настоящие интернет-издания, но полные фальшивых видеороликов и статей, множащих дезинформацию. И в центре этой постоянно эволюционирующей системы обнаружился ультраправый веб-сайт «Брайтбарт». Дженис быстро разузнала, кому он принадлежал: некоему Стефану Барону. Барон, политический представитель, стратег Трампа и заместитель директора компании «Оксфорд Техника», которую впоследствии обвинили в покупке данных десятков миллионов пользователей «Френдзнета» с целью их обработки и использования, проповедовал теорию большого хаоса: нужно разрушить мир, чтобы отстроить его заново и сделать лучше. С точки зрения его друзей-предпринимателей, которые за это отвечали бы, отличная идея. Барону удалось собрать на своем сайте приверженцев теорий заговора, сторонников превосходства белых, религиозных радикалов и ультраконсерваторов, и все они охотно были готовы поддержать кандидатуру его протее.

Прошло совсем немного времени, и Дженис с удивлением обнаружила, что другой торговец ненавистью, Дарнел Гарбедж, который проводил кампанию в пользу брекзита, пользовался теми же методами. Гарбеджа нельзя было назвать политическим лидером, им не двигали какие-то личные убеждения. Ожесточенно критикуя Европейский союз, он заседал в его парламенте и не отказывался ни от денег, ни от всевозможных преимуществ и привилегий, предоставляемых этой должностью. Так что же продвигал этот человек?

Кто стоял за его организацией Leave. EU и почему она действовала отдельно от официальной кампании? Каковы были истинные цели этой структуры, созданной, чтобы исподтишка манипулировать выборами? Ее деятельность, судя по всему, финансировал Эйртон Кэш – или, по крайней мере, такова была видимость.

Дженис организовала встречу с представителем Leave. EU, неким Уиглессом, который, нимало не смущаясь, объяснил, как данные, собранные соцсетями, искусственный интеллект и микротаргетинг на «Френдзнете» сыграли решающую роль в победе Трампа на выборах и в успехе брекзита.

И на этом открытия не закончились. Во время того же интервью Дженис по неосторожному высказыванию Уиглесса поняла, что у него несколько паспортов, в том числе дипломатический, выданный Белизом. Ее встревожил факт, что иностранный дипломат затеял в Великобритании политическую кампанию со столь серьезными последствиями. А еще больше обеспокоило, что никого, кроме нее, это не волнует. На кого на самом деле работал Уиглесс?

Статья наделала шуму и в США, и в Великобритании. Кроме того, Дженис усмотрела связь между одним американским миллиардером, воюющим с популярными СМИ, и английским магнатом Эйртоном Кэшем. Все это, кажется, пробудило интерес общественности. Дженис объединилась с британскими коллегами. Вместе они проработали дело Кэша, исследовав его коммерческую деятельность. Миллиардеру принадлежало девятнадцать компаний, и его имя фигурировало в бумагах в разном написании, что явно не было простой опiskой, допущенной по небрежности, но, вероятно, имело своей целью запутать следы, ведь некоторые из этих компаний были зарегистрированы в офшорных зонах.

Благодаря другой подсказке Ноа Дженис занялась делом некой Илоны Заветер, которая несколькими годами ранее красовалась на первых полосах, потому что была замешана в скандале, связанном со шпионажем. Илона Заветер предстала перед специальной комиссией по делам иммиграции (кто мог создать подобную комиссию и так ее назвать – само по себе загадка, которую способен разгадать только какой-нибудь английский историк, но он, должно быть, еще не родился). Во время суда выяснилось, что британская разведка предполагает, что Илона Заветер работает на ФСБ и скомпрометировала одного английского депутата. Все английские журналисты знают, что, если МИ-6 «предполагает», в любой другой стране это

означает почти стопроцентную уверенность с ничтожно низкой вероятностью ошибки. Шпионки из России и Восточной Европы использовали свои прелести в рамках масштабной операции «Первая ловушка», чтобы вытянуть информацию из высокопоставленных чиновников в обмен на услуги интимного характера. Своего депутата Илона выбрала отнюдь не случайно. В его городе, Портсмуте, находится крупная военно-морская база, и он заседал в двух парламентских комиссиях – одна занималась вопросами обороны, а другая – отношениями с Россией, а еще он среди прочего был особенно падок на плотские радости. Судебный процесс привлек много внимания, причем больше из-за сексуальных подвигов депутата, нежели из-за сути дела.

В архивах Дженис раскопала отчет, в котором упоминался второй скандал, имеющий отношение к шпионажу, и в нем был замешан все тот же депутат, ранее состоявший в связи с другой русской девушкой. Ее звали Ники Вальдина. Впоследствии Ники стала супругой Эйртона Кэша, спонсора Гарбеджа и кампании Leave. EU. Слишком уж много совпадений.

За очередным обедом Дженис изложила свои выводы Ноа. Ноа спросила у журналистки, когда она собирается опубликовать материал, а Дженис ответила, что как только у нее будут формальные доказательства того, что Кэш работает на русских или что они им манипулируют. «Ты же знаешь, как говорят: ищи деньги – и найдешь преступников», – шепнула ей Ноа перед уходом.

Дженис где-то слышала это высказывание, но не знала, кому оно принадлежит. Авторы крылатых выражений живут и умирают в безвестии. В тот день счет за обед оплатила Ноа. Дженис не смогла бы сказать, почему эта деталь ей так запомнилась, но она видела эту сцену так ясно, будто все было вчера.

Автобус прибыл в аэропорт Бен-Гурион. Она поблагодарила водителя за поездку – привычка, которой обзавелась, когда путешествовала автостопом, – и направилась к терминалу. Пройдя паспортный и таможенный контроль, она устроилась за столиком кафе. Телефон завибрировал: один длинный сигнал и два коротких. Это значило, что ей пришло сообщение от другого члена «Группы». Она набрала секретный код, и на экране появилось скрытое приложение. Войдя в него, она прочитала отправленный Витей текст:

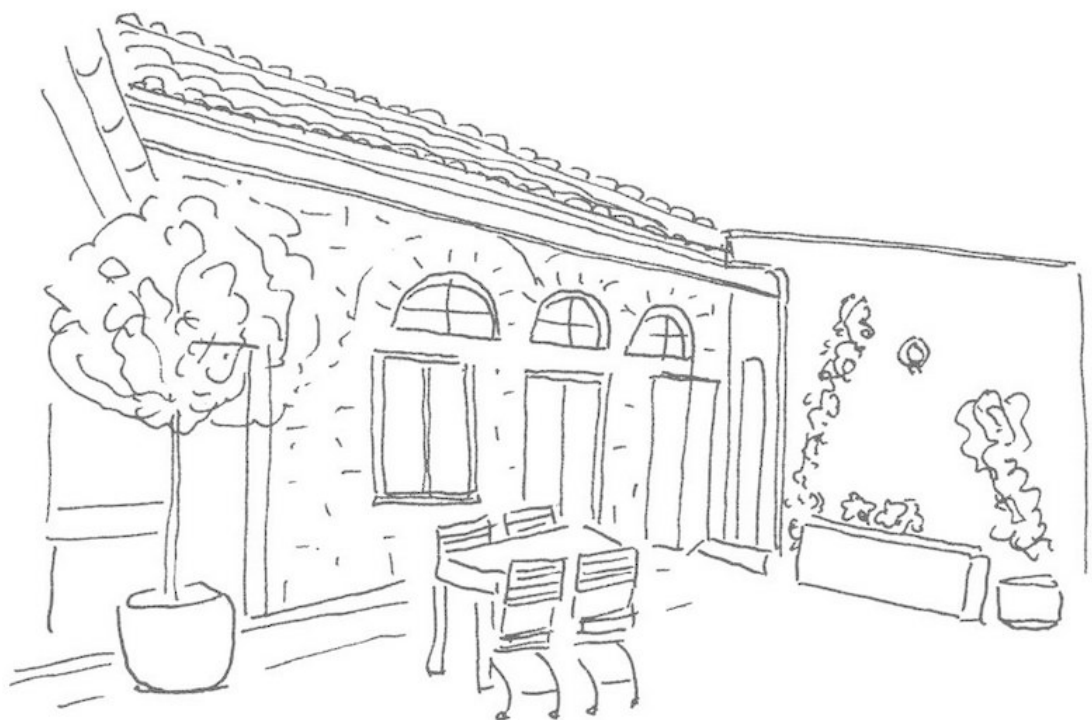
162/120/147/273/175/119/133/259

А еще через несколько мгновений ей пришла обычная эсэмэска с числом:

37

Хитроумная выдумка Вити заставила ее улыбнуться. Теперь она знала, как попасть на похороны Дарьи без визы.

На пути в Лондон, перечитывая в самолете заключения адвоката, Дженис подумала о борьбе, которую вела уже много лет, и о том, чего это ей стоило. Витя был не единственным членом «Группы», кто помогал ей в расследовании, но всякий раз, когда она совершала какое-то открытие благодаря своим хакерским способностям, ей как журналистке приходилось искать подтверждение у официальных источников, а когда это не удавалось, она вынуждена была скрепя сердце отказываться от возможности сказать правду, чтобы не поставить под угрозу существование «Группы».

Дом Дженис

Глава 5

Утро понедельника, особняк, Киев и Лондон

Первые лучи рассвета окрасили охрой побелевшую крышу особняка и покрытую инеем траву в саду. Вскоре их прогнали тучи, предвещающие снегопад. Илга, гувернантка, раздула угли в камине гостиной и подбросила поленьев. Дождавшись, когда в очаге запляшут первые языки пламени, она с удовлетворенным видом вернулась на кухню, открыла шкафчики и составила список покупок на сегодня. Витя и Алик, скорее всего, всю ночь просидели перед экранами в донжоне. Она заглянет туда попозже, чтобы прибраться и выгнать их подышать свежим воздухом.

Витя сидел за компьютерным столом. Алик, устроившись напротив, молча смотрел на брата. Вот уже минут пять его близнец хранил молчание.

– Что? – наконец спросил Витя.

– Ты знаешь, какой опасности она себя подвергает, нелегально въезжая в страну, которой управляет диктатор? Я что, один переживаю за Дженис?

– Не в этом ли вся хитрость нашего плана?

– «Нашего» плана? Не помню, чтобы кто-то из нас его составлял.

– Мы его одобрили, это то же самое.

– Когда мы присоединились к «Группе», нам обещали, что мы сможем сохранить независимость. И в итоге повинемся приказам, ничего не решаем, только исполняем. Ты считаешь, что мы сильнее, чем мы есть на самом деле, а я не готов постоянно биться над безнадежными заданиями.

– В последний раз ты неплохо выкрутился, – откликнулся Витя, отъезжая от стола.

– Но какой ценой! Ты, насколько мне известно, не оказывался на борту развалюхи, которую пилотирует восьмидесятилетний старикан.

– Он доставил вас до места назначения, невзирая на непростые условия. По-моему, твое высказывание неуместно и звучит несправедливо по отношению к нему, – заметил Витя, нахально улыбаясь.

– Давай-ка проясним один момент: если все пойдет не по плану, я в Минск за Дженис не поеду.

– Никто тебя и не просил, и к тому же о провале не может быть и речи.

Алик крутанулся на компьютерном кресле, отворачиваясь от брата, и уставился на большой экран на стене, показывавший вид на колесо обозрения над Темзой.

Когда брат так себя вел, Витя, даже не глядя на него, понимал, что тот бесится. Если болтливый Алик играл в молчанку, это не значило, что он над чем-то размышляет, а было проявлением дурного характера. Минут через пять он встанет и со вздохом выйдет, если никто не обратит должного внимания на его состояние. Давным-давно, когда родители были живы, эти перепады настроения вызывали у мамы улыбку, а отца выводили из себя. Витя же не обращал на них внимания. Сейчас его мысли витали далеко отсюда: ему внезапно вспомнилось лицо Корделии. Он не знал, влюблен ли он в нее, и побаивался об этом думать; ясно одно: с тех пор как она вернулась в Лондон, он часто о ней вспоминал. Даже когда следовало сосредоточиться на чем-то важном, как теперь.

Поди пойми, что творится в голове у мужчины, отказывающегося признать, что он без ума от женщины.

Витя глянул на часы в нижнем углу экрана. Пара минут, не больше, – и Алик выскочит за дверь.

И действительно, Алик встал и направился к выходу. Но уже на пороге обернулся:

– Пожалуйста, спустись с небес на землю, нам надо поговорить.

– Для того, кто стоит на двух ногах и обращается к человеку, вынужденному жить сидя, ты не слишком-то деликатен.

– Только не начинай опять, избавь меня от этой песни, Витя.

– Когда мы договорим, ты сбежишь вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, пойдешь поразмяться или покурить в саду. А если захочешь, сядешь в машину и поедешь в город пропустить стаканчик или закадрить девчонку, вот так запросто. А у меня все время одно и то же.

– Ты правда считаешь, что несчастный случай приковал к инвалидному креслу только тебя?

– Это был не несчастный случай! – возмутился Витя.

– Кто таскал тебя в сад на собственном горбу? Кто отвлекал от боли, когда Илга уставала или была занята? Кто сидел с тобой всю ночь напролет, потому что не мог заснуть из-за чувства вины?

– Какой еще вины?

Алик вздернул плечи и замолчал.

– Какой еще вины? – повторил Витя.

– Когда вы с родителями поехали на рынок, я должен был сидеть на твоем месте, ты же всегда предпочитал сидеть за мамой. Если бы я не надулся и не остался дома, пули достались бы мне. Тебе нужна правда? Я не хочу умереть, никогда не хотел, но иногда жить мне тоже не хотелось.

На несколько секунд между ними повисло молчание.

– Ты что-то хотел у меня спросить? – заговорил Витя.

– Зачем ты это делаешь, зачем так отчаянно хватаешься за безнадежные дела? Вытащить оппозиционера из белорусской тюрьмы? Ну правда, Витя, ты думаешь, мир от этого изменится? И вообще каким боком это нас касается?

– У нас дома, каждый раз, когда я проезжаю мимо зеркала, я вижу себя таким, какой я есть, но, когда я сижу за компом, когда мы грабим тех, кто из алчности погубил десятки тысяч человек, когда раздаем награбленное их жертвам, я знаю, каким хочу быть. А когда мы боремся за свободу других, я сам чувствую себя свободным.

Алик смерил брата долгим взглядом, и тот невольно улыбнулся.

– Ты ненормальный, но мне тебя не переделать. Пойду и правда немного разомнусь, а потом буду помогать тебе.

Оставшись в одиночестве, Витя вытащил очки виртуальной реальности и подключился к игровой платформе. Может показаться странным, но это своего рода форум, на котором все еще можно общаться, сохраняя анонимность. Слишком большое количество серверов, игроков и персонажей, чтобы правительства могли отделить зерна от плевел.

Корделия боролась за победу в третьем сете. Она готовилась отбить мяч резким ударом слева и чуть не попала за линию, увидев в поле зрения пузырь с текстом. Она попросила Витю дождаться окончания матча голосовой командой. Тот охотно согласился, смущенный, что едва не лишил ее победы. Корделия спровадила соперника, и партия завершилась.

– Хочешь попытать счастья? – спросила она.

– Только не в теннисе.

– На каком этапе вы сейчас?

– Разработали два надежных маршрута, – ответил Витя. – Один туда, другой обратно.

– Этого недостаточно. Ты один?

– Да.

- Чего ты хотел?
- Убедиться, что ты обо мне помнишь.
- Обожаю твое чувство юмора, у тебя талант говорить то, о чем другие молчат. Думаю, это мне в тебе и нравится, – хихикнула Корделия.
- А еще что? – поинтересовался Витя.
- То, как ты ревнуешь, мне тоже нравится. Очень в меру. Правильная дозировка очень важна – если ревности слишком много, ты задыхаешься, но, если ее нет, тебе скучно, понимаешь, о чем я?
- А ты ревнива?
- Если я начинаю ревновать, это кошмар.
- Брат думает, что мы совсем рехнулись, – сообщил Витя.
- От любви?
- Нет, хотя, может, и от этого тоже.
- Иногда мне тоже так кажется, но после того, что мы уже сделали, остановиться на этом просто немыслимо. И потом, не хочу тебе лгать, я бы ужасно расстроилась, если бы пришлось все бросить. У меня это в крови. Может, когда-нибудь меня и посадят, а если нет, стану бабулей-хакершей. Можешь представить меня у камина со старой клавиатурой на коленях?
- К тому времени как ты состаришься, клавиатур уже не будет.
- Может, мне и не доведется состариться.
- Не шути так.
- Почему это?
- Потому что я все время боюсь, что с тобой что-нибудь случится.
- Именно поэтому нам не стоит привязываться друг к другу. Надеюсь, ты не слишком сильно меня любишь? Не настолько, чтобы сделать глупость, если у меня будут проблемы?
- Какого рода глупость?
- Подставить себя или других, чтобы мне помочь. Пообещай, что не станешь этого делать.
- Только если ты пообещаешь первой.
- Ты невыносим, но это мне тоже нравится. Мне пора на работу. Я уже два раза опаздывала на этой неделе, скоро получу нахлобучку от начальства. И ты давай за дело. Двух маршрутов недостаточно. Я тебе напишу, как только закончу с покупками. Список все растет и растет. Наш итальянский друг с ума меня сведет. «Тель-Авив» скоро будет в Лондоне. Отступать поздно.

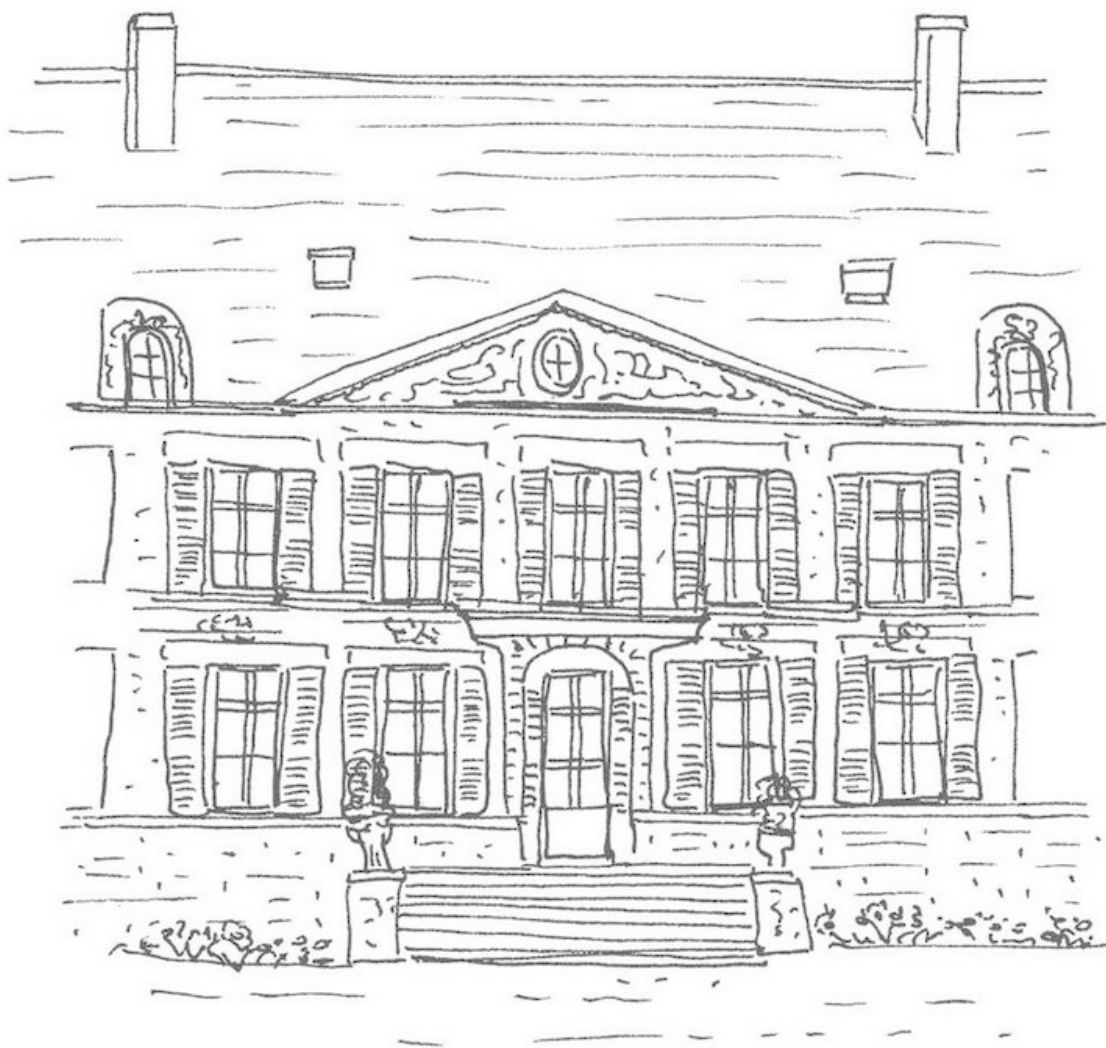
Перед глазами Корнелии появился эмодзи – машущая рука, а потом экран стал черным. Она сняла очки виртуальной реальности, лукаво улыбаясь и представляя, как Витя грызет удила у себя в особняке, затерянном в заснеженной Украине. Его невозможно ревновать, а ведь обычно она ревнива до ужаса. И, что удивительно, из-за отсутствия ревности ей невероятно легко.

Она села за маленький рабочий стол, который поставила в спальне, и быстро проглядела первые утренние письма. Прочитав третье, она скопировала адрес автобусной компании. Когда Корделия доберется до офиса, она бросит все силы на то, чтобы изучить жизнь владельца компании и отыскать что-то, чем его можно будет шантажировать на случай, если сумма, которую она ему предложит, не убедит его добыть для нее все, что ей нужно. И вычеркнула в своем списке одну строку.

У Корделии осталось всего несколько дней на то, чтобы найти еще три транспортные компании, арендовать два десятка автобусов и грузовиков под чужими именами и купить на криптовалюту все необходимое для задания оборудование.

Матео будет отвечать за перевозку и выбор подходящих для работы мест, куда будут доставлены ноутбуки, защищенные от слежки телефоны, роутеры, серверы, трансмиттеры и ретрансляторы... Не говоря уже обо всем прочем.

Садясь на велосипед, чтобы ехать в офис, Корделия подумала, что Алик недалек от истины. Возможно, все они рехнулись, причем она первая, но ничто не заставит ее изменить решение.

Особняк

Глава 6

Понедельник, Лондон, позднее утро

Когда самолет приземлился в Хитроу, Дженис не мешкая отправилась к своему адвокату. До сих пор их встречи проходили онлайн за одним-единственным исключением, в самом начале, когда рабочие графики обоих совпали и они пересеклись в Париже, куда приехали по делам.

Этот процесс, подготовка к которому началась много месяцев назад, поглотил все ее сбережения, и в конце концов она даже вошла в долги; многочасовая подготовка защиты занимала все свободное время, что сказывалось на работе. Лишив ее денег и сил, Эйртон Кэш рассчитывал заставить ее замолчать. Но она держалась неплохо, по крайней мере, пока, и жажда победы помогала ей бороться.

Несколькими днями ранее во время телефонного обсуждения адвокат Дженис предупредил ее о западне, приготовленной противной стороной. Она ни в коем случае не должна в нее попасться: нельзя повторять обвинения перед судом, необходимо сосредоточиться на том, чтобы продемонстрировать целостность ее работы. Судить будут не британского миллиардера, владельца алмазных копей в Южной Африке – они давно истощились, однако же из них как по волшебству продолжают появляться новые камни, которые вывозят дипломатической почтой. Разве может кто-то еще не знать, что Кэш отмывает бриллианты кровью, что это плоды подневольного труда мужчин, женщин и детей из воюющих стран Африки? Быть может, когда-нибудь эти преступления будут рассмотрены судом, но сейчас в графе «Обвиняемый» стоит имя Дженис, и процесс, который состоится в Лондоне – это процесс над журналисткой.

Адвокатский кабинет располагался в многоэтажке в районе Мейфэр. Предполагалось, что роскошная обстановка придаст клиентам уверенности, но Дженис видела в этом бессмысленном блеске вероятную причину немыслимых расценок на услуги адвоката. Мистер Коллинз, невысокий мужчина с горделивой осанкой, всегда носил безупречно подогнанный по фигуре твидовый костюм и полосатый красно-сине-желтый галстук, завязанный на большой узел – единственный яркий элемент в его безупречном наряде. Адвокат отличался любезностью и дружелюбием. Но Дженис выбрала его не за это – ей нравилась его пунктуальность и остроумие. Кроме того, он был глубоко возмущен ситуацией и полон решимости восстановить справедливость.

Коллинз ждал Дженис в небольшой гостиной, куда ее сопровождал помощник, – стены украшены навощенными панелями, мебель красного дерева, в воздухе аромат благовоний. Адвокат проследовал с ней в конференц-зал, выдержанный в том же стиле, и бережно закрыл обитую кожей дверь. Дженис прочитала его сдержанный жест как заверение, что они в полной безопасности и защищены от вмешательства внешнего мира. Коллинз предложил ей располагаться в одном из кресел, положил на стол папку, которую держал под мышкой, и сел рядом.

– Вы, вероятно, ознакомились с моими последними заключениями? – осведомился адвокат, глядя на папку.

Она кивнула в знак согласия.

– Желаете внести в них какие-то изменения, что-то добавить?

– Нет, – отвечала она.

– Тогда перейдем к следующей части, – продолжал Коллинз.

Он вытащил из кармана блокнотик и пролистал начало, остановившись на помеченной странице.

– Ваш контакт вылетает в 15:00. В Вильнюс он прибудет в 18:00, там его встретят друзья и отвезут в штаб. Мы договорились, что он никак не будет себя проявлять до вашего возвращения в Лондон; никаких заявлений прессе, появлений на публике – ничего, что может привлечь к вам внимание. Мы играем с огнем, и я не хочу обжечься.

– Когда планируется встреча?

– После слушания вы отбудете в Вильнюс вечерним рейсом, я купил вам билет, как вы просили. Возместите стоимость при следующей оплате. Нет-нет, не говорите ничего, денежные вопросы уладим, когда противник будет повержен. Я забронировал для вас номер в отеле на мое имя для максимальной безопасности. Встреча должна состояться завтра в полдень. За вами приедут.

Коллинз открыл папку и аккуратно, тщательно разглаживая складки, развернул план этажей вышеупомянутого отеля.

– В 10:55, – продолжал он, – вы спуститесь в подвал. В 11:00 за грязным бельем приезжает фургон из прачечной. Горничная, которая обычно возит тележки, получила достойное вознаграждение за помощь, которую нам оказывает. Она оставит в гардеробе вашего номера свою униформу, вы ее наденете и пройдете в конец коридора, к служебному лифту. Единственная проблема – чтобы спуститься на –2 уровень, нужен бейдж, и, как тут быть, я пока не знаю. Бейджи выдает служба безопасности отеля. Мне это рассказала наша помощница, но она не может рисковать своей работой. До чего же все усложнилось! В мое время достаточно было обычного ключа, – вздохнул адвокат.

– Ничего страшного, я знаю, как действовать, – безмятежно заверила его Дженис.

– И как же? – поинтересовался Коллинз.

Дженис воздержалась от ответа. Повторять вопрос Коллинз не стал.

– Ну, допустим, – сказал он. – Итак, когда спуститесь в подвал, пройдете по коридору. Если по дороге вам кто-то встретится, улыбнитесь ему, костюма горничной должно быть достаточно, чтобы проскользнуть незамеченной, при условии, что не будете мешкать. Третья дверь ведет к месту для разгрузки.

Коллинз вытащил из папки еще одну распечатку – фотографию фургона.

– Запомните номер. Если приедет другая машина, идите назад, поднимитесь к себе и переоденьтесь. Счет оплачен, так что сразу же вызывайте такси и отправляйтесь в аэропорт. Если все будет в порядке, просто садитесь в фургон – через заднюю дверь, разумеется.

– Впечатляет. Не знаю, как вас отблагодарить, вы проделали огромную работу.

– Нет, – сухо откликнулся Коллинз. – Я не придумал, как решить проблему с бейджем.

– Говорю же, не беспокойтесь из-за этого.

– Как скажете. После встречи вас сразу же отвезут обратно в «Хилтон». Вам придется войти через главный вход – на служебном дежурит охранник, который знает всех сотрудников в лицо. Держитесь ближе к правой стене, эту зону не охватывают камеры наблюдения, установленные на ресепшн, – пояснил Коллинз, показывая пальцем на соответствующую область на плане. – Когда переоденетесь, незамедлительно отправляйтесь в аэропорт, самолет вылетает в 17:30, и лучше бы вам на него не опаздывать.

Взгляд Дженис скользнул по книжным полкам. Коллинз дал ей время на размышления, уверенный, что в конце концов она что-нибудь скажет.

Его легендарная прозорливость оправдала себя.

– Предположим, за мной следят, – сказала она. – Если они заметят, что я весь день не выходила из номера, кто-нибудь рано или поздно решит проверить и постучаться ко мне, и у этого человека проблем с ключом не будет.

Коллинз успокаивающе похлопал ее по руке.

– Не тревожьтесь на этот счет. Те, кто за вами шпионит, увидят вас в суде. Как они могут заподозрить, что вы способны оказаться в двух местах одновременно?

– Тогда к чему все эти меры предосторожности?

– Дженис, мы так давно знакомы, что мне следовало бы возмутиться этому вопросу. Но, чтобы пощадить свое самолюбие, предположу, что вы просто любите поддразнивать людей, и все-таки отвечу: потому что, если я ошибаюсь, те, кто за вами следит, ни в коем случае не должны узнать о месте вашей встречи с нашим другом Романом. – С этими словами Коллинз глянул на часы, закрыл папку и отодвинулся от стола. – Пора идти, нет ничего хуже, чем заставлять судью ждать.

Дженис сделала глубокий вдох, как если бы собиралась нырять на глубину без акваланга, что было недалеко от истины. Поднявшись, она взяла адвоката под руку, к немалому удивлению последнего. И все-таки ему явно было приятно, судя по горделивой улыбочке, с которой он прошептал мимо стола секретарши.

* * *

Мадрид, полдень

Диего ехал по городу на боббере «гуцци», который он в итоге все-таки купил у своего друга Хуана. Передвигаться по Мадриду на машине стало невозможно. Но его бизнес приносил ему достаточно денег, чтобы он мог позволить себе заказывать доставку продуктов для ресторана с рынка Сан-Мигель.

Он мчался по мадридским улицам со шлемом на локте, лавируя между потоками автомобилей, как серфер, поймавший волну... И вдруг ему подумалось, что умирать сейчас – не лучшая идея, слишком уж хороший выдался день и слишком уж много важных дел ему предстоит сделать. Диего до сих пор не оправился после смерти Альбы. Хоть он и не успел на ней жениться, чувствовал он себя настоящим вдовцом. Для того, кто познал скорбь утраты в том возрасте, когда тебе кажется, что ты уже все видел, смерть – лишь вопрос терпения. В тридцать с небольшим Диего играл с ней в кошки-мышки, чтобы навлечь на себя ее гнев. Порой, ложась в постель, он рассказывал, как прошел день, тени давно ушедшей женщины, которую по-прежнему любил. И все-таки год назад он не устоял перед очарованием девушки, пришедшей к нему в ресторан рекламировать крепкий алкоголь. Их роман продлился семь месяцев. Диего как будто играл в комедии о счастье, пусть и не без таланта, и Флорес, устав от этого, в конце концов ушла от него.

В полдень Диего съехал с М30 на развязке Пуэрта-де-Йерро и двинулся в сторону факультета информатики. Он здесь учился, и у него по-прежнему был доступ к лабораториям – по бейджу, который он каждый год самостоятельно продлевал. На факультете он так примелькался, что на него совсем не обращали внимания.

В 14:00, устроившись за столом, он зашел на сайт трекера полетов, на котором в реальном времени можно следить за перемещением пассажирских самолетов. Взглянув на часы, Диего вывел на экран еще одно окно, в котором он будет отчитываться Дженис о ходе операции.

* * *

Афины, полдень

Роман Протасевич – улыбчивый молодой человек, свободный, но скрывающийся от властей. Он и его подруга живут на две страны, между Польшей и Литвой.

Роман родился за год до прихода диктатора к власти и еще подростком примкнул к оппозиции. Впервые он участвовал в протестах, когда ему исполнилось пятнадцать, еще школьником. В то время тысячи белорусов выходили на улицы, возмущенные переизбранием автократа и отравлявшей страну коррупцией. Именно тогда он заинтересовался политикой и стал активни-

стом. В семнадцать он уже был админом двух протестных сайтов. О его деятельности донесли властям, агенты службы безопасности задержали его и пытали. Удары пришлось по почкам, печени и животу, потом он мочился с кровью. Это следовало расценивать как предупреждение – его отпустили, потому что ему еще не исполнилось восемнадцати. Но Роман не опустил руки. Он снимал репортажи для СМИ и получил престижный грант как талантливый независимый журналист. А потом создал на «Ютубе» оппозиционный канал «Нехта», выступающий против президента Лучина, чье нелегитимное переизбрание вызвало беспрецедентные народные волнения. Осенью 2020 года «Нехта» стала незаменимым орудием протестующих, организовавших антиправительственные акции. Через нее распространяли фотографии и ролики, свидетельства беспредела милиции. Ее каждый день читали два миллиона человек, почти двадцать процентов населения. За несколько недель Роман сделался врагом режима номер один, и тогда он бежал из страны.

На протяжении многих недель народной мобилизации Роман ежедневно передавал двумстам шестидесяти тысячам подписчиков информацию о местах и времени акций, данные о перекрытых милицией улицах и советы о том, как избежать задержания.

В ноябре 2020 года власти, которым юный блогер дерзнул бросить вызов, обвинили его в организации массовых беспорядков и разжигании социальной вражды, что означало для него десять лет тюремного заключения, если, конечно, он попадется. Но даже это не могло успокоить гнев тирана, и вскоре к этим обвинениям добавилось другое: осуществление террористической деятельности. По этой статье Роману угрожала уже смертная казнь.

Теперь Роман – администратор и главный редактор БГМ, канала в защищенном мессенджере «Телеграм», который не подвергается цензуре.

Его подруга Софья учится на факультете права в Европейском гуманитарном институте Вильнюса. В начале недели они отправились в Афины на коллоквиум, посвященный проблемам демократии.

Сегодня утром они рассказали внимательной аудитории «Мегарона» о своей борьбе и поделились надеждой увидеть однажды, как демократия восторжествует над тиранией.

– Демократические революции – вещь заразная, – начала Софья свою речь.

Роман стоял в метре от нее. Обоих освещал прожектор, на огромной сцене конференц-центра они были совершенно одни.

Софья не привыкла выступать перед столь большой аудиторией. Она знала, что после этой конференции ничто больше не будет таким, как прежде. Наклонившись к пюпитру, она всмотрелась в текст. Она писала, перечитывала и исправляла его ночами, заучив каждое слово. Но сейчас ее охватило волнение, и она почувствовала, как задрожала рука. Они с Романом обменялись взглядами, и тот подошел к ней поближе.

Рот пересох, и Софья глотнула воды, а потом продолжала, повторив первую фразу, чтобы слушатели ее запомнили и осознали.

– Демократические революции – вещь заразная. Угнетатели извлекли урок в 1989 году, когда коммунистические диктатуры обрушились как карточный домик. Более поздние примеры – арабская весна, антикоррупционные выступления 2014 года в Украине, которые привели к смене власти, – усилили их опасения. И тогда тираны заключили соглашение. Если можно подавить протесты в одной стране, значит, можно и не дать им начаться в других. Автократы помогают друг другу – деньгами, а иногда и войсками, отправляя солдат в поддержку товарищам – под видом народного ополчения. Все тираны смотрят на мир примерно одинаково, они убеждены, что их личное выживание важнее благоденствия их народа. Мысль о том, что из-за смены режима они попадут в тюрьму или будут вынуждены бежать, их ужасает. Вот

почему они объединяются, сотрудничают, обмениваются информацией о своих способах угнетения народа. Орудия пропаганды и дестабилизации противника стали еще совершеннее благодаря новейшим средствам коммуникации. Манипулятивный контент в соцсетях, внедрение в протестные движения с целью их скорейшего подавления. Массовые задержания, заключения, пытки, изнасилования, убийства и похищения внушают людям страх и заставляют диссидентов молчать. И действия тиранов этим не ограничиваются. Они стремятся любой ценой распространить свой режим, дестабилизировать соседние демократии, вмешиваясь в выборы. Так было в Великобритании, а еще в Германии, в Италии, а до того – в Польше и в Венгрии. Политические кампании европейских ультраправых партий финансируются частными иностранными капиталами, а прикрытием служат офшорные организации. Такие деньги, направленные на уничтожение демократии! Почему бы не конфисковать нажитые нечестным путем миллиарды, которые они хранят в ваших банках, конфисковать их роскошные виллы, построенные на ваших побережьях, их роскошные автомобили, припаркованные в ваших столицах, их особняки и квартиры, приобретенные за счет народа? И так же следовало бы поступить с олигархами, которые их поддерживают. Я понимаю, что торговля с ними выгодна вашим предприятиям, но тем самым вы поддерживаете круговорот террора, вы обогащаете тех, кто истязает свой народ.

У Софьи перехватило горло, она почти добралась до конца своей речи.

– Простите мне мою несдержанность. Я не в праве указывать вам, как действовать, да и не хочу этого. Так тяжело рассказывать о страданиях твоих близких и видеть, как собеседники отводят взгляды. Их это не касается, у них другие заботы. Но я умоляю вас: если хотите, чтобы демократия уцелела, не закрывайте глаза на то, что происходит за пределами вашей страны. Ведь тираны с вас глаз не спускают, их жажду власти утолить невозможно, так объединитесь же, чтобы их приструнить.

Ответом на ее речь была гробовая тишина. Софья собрала свои бумаги и посмотрела на собравшихся. Ослепленная светом прожекторов, она выдавила слабую улыбку.

И вдруг в третьем ряду послышались тихие аплодисменты. Они прокатились по залу, стали громче, переросли в овацию.

Жизнь Софьи уже не будет прежней.

Пара сошла со сцены. Исчезнув за кулисами, Роман и Софья вышли в большой вестибюль конференц-центра. Их обступили желающие сфотографироваться с ними, но Роман, вежливо извинившись, повел Софью к боковому выходу. Два сотрудника службы безопасности сопровождали их до машины. По пути Роман заметил на площади какого-то мужчину в темном костюме, смотревшего на них. Взгляд его не был похож на восхищенный. Мужчина двинулся к ним, и Роман ускорил шаг.

– Давай, поехали отсюда, – сказал он Софье, решив ничего не говорить ей об опасности, в которой не был уверен.

Жизнь в изгнании и память о пытках, которые ему пришлось перенести в заключении и о которых никак не удавалось забыть, сделали его слишком подозрительным.

– Тебе стоило бы постараться быть полюбезнее с людьми, которые пришли нас выслушать. Немного популярности нам не повредит. Ты же понимаешь, что я имею в виду, – откликнулась Софья.

Роман молча открыл дверь машины и, как только они устроились на заднем сиденье, велел водителю отъезжать.

– Вылет через два часа, посадочные у нас есть, куда ты так торопишься?

– Я не тороплюсь, – кратко ответил Роман, внимательно следя за мужчиной на площади.

Тот вытащил смартфон и кому-то позвонил. На сей раз сомнений у Романа не было: мужчина провожает их машину взглядом.

– В аэропорту держись ко мне поближе. Это все, о чем я тебя прошу.

– Что такое? – встревожилась Софья. – Ты весь побелел.

– Ничего.

– Ты нервничаешь из-за перелета? – спросила она, беря его за руку. – Тут стыдиться нечего, я так точно не стану над тобой смеяться, после того, что я пережила на этой сцене.

– Ты отлично выступила, ты же видела реакцию слушателей.

– Мы сюда не ради аплодисментов приехали, а ради действий.

– Все будет, – уверенно сказал Роман.

Он повернулся назад, вглядываясь в заднее стекло. Эспланада перед «Мегаоном» почти растаяла вдаль, и, когда они повернули на улицу Константинопольскую, за ними вроде бы никто не последовал. Полчаса спустя водитель припарковался у тротуара перед международным аэропортом. Роман вытащил из багажника два маленьких чемодана и устремился за Софьей, которая уже направлялась ко входу в терминал.

– Я же просил меня подождать, – проворчал он.

Он нагнал ее у газетного киоска.

– Давай не будем терять время, – настаивал он.

– Знаешь, с твоей аэрофобией нужно поработать.

– Не в этом дело, – возразил Роман, глядя на пассажира, который чем-то привлек его внимание.

Софья поняла, что что-то не так. Она проследила за взглядом Романа и заметила пристально смотрящего на них мужчину. Лет сорок, джинсы, белая рубашка, плохо скроенная синяя куртка... Он взял со стойки журнал и принялся его листать. Софья повернулась в другую сторону и обнаружила еще одного странного субъекта, старше первого. Он смотрел на нее так внимательно, что ей стало не по себе.

– Пошли на контроль. Здесь они ничего не могут нам сделать, тут слишком много народу.

– Тогда что они тут забыли? – негодуя спросил Роман.

– Хотят нас запугать, не будем доставлять им этого удовольствия.

Она уверенно двинулась к очереди, змеившейся перед рамками контроля. Роман последовал за ней. Они молча продвигались вперед в том же ритме, что и остальные, пока не оказались перед лентой. Прошло немного времени – и они уселись рядом перед гейтом.

– Думаешь, они были на коллоквиуме? – спросила Софья, с наслаждением думая о том, как будет бесноваться Лучин, когда ему доложат о ее речи.

– Когда-нибудь он прикажет им нас подстрелить или отравить полонием, – откликнулся Роман.

– Не драматизируй, до такого они не дойдут, только не в чужой стране.

– Как не дошли в Лондоне или Манчестере?

Софья посмотрела на площадку перед терминалом. Их самолет уже занял свое место перед рукавом, и это ее успокоило. И все же она отказалась от идеи сходить за кофе.

– Ты прав, – сказала она. – Нам следует быть еще осторожнее, чем раньше.

Роману подумалось, что, если подручные диктатора получают приказ их ликвидировать, они колебаться не станут и не погнушаются никакими средствами. И все-таки те, от кого им удалось оторваться, остались с носом. Посадку уже объявили, через три часа они будут в Вильнюсе, в безопасности.

Перед тем как пройти в самолет, Роман отправил сообщение через «Телеграм»:

За мной следят.

Вильнюс

Глава 7

Гражданский суд, Лондон, после полудня

Дженис и Коллинз сидели за столом напротив судьи, а три адвоката Эйртона Кэша занимали места по правую руку от них. Один из них, намного выше Коллинза, мерил шагами зал, зачитывая свои заключения с нарочито возмущенным видом. Дженис обвинялась в том, что во время одной из конференций TED произнесла две в высшей степени клеветнические фразы, порочащие репутацию его подзащитного и, следовательно, имевшие негативные последствия для его бизнеса. В интервью, продолжавшемся пятнадцать минут и посвященном главным образом пагубному воздействию «Френдзнета» на выборы в англоязычных демократических странах, она упомянула брекзит, сообщив аудитории, что кампания Leave. EU, организованная Дарнелом Гарбеджем и профинансированная мультимиллионером, который привлек ее к суду, была уличена в нарушении закона о персональных данных. В двух фразах, ни больше ни меньше, Дженис отметила, что Кэш, ссудивший Гарбеджу около восьми миллионов фунтов – рекордная сумма для частного пожертвования в Великобритании, – солгал о наличии тайных связей с российским правительством.

– С моего подзащитного, – отчеканил адвокат, – были сняты все обвинения в криминальной деятельности в связи с этими жертвованиями. Напоминаю суду – раз уж подсудимая так жаждет преподать нам урок демократии, – что мы живем в демократической стране и, следовательно, вольны поддерживать любого кандидата, нравится это или нет людям, которые не умеют проигрывать! Тот, кто запятнал имя честного человека подобными инсинуациями, обязан компенсировать ущерб. Не следует ли мне также напомнить, что, согласно заключению авторитетного судьи, средний слушатель или читатель, ознакомившийся с речью обвиняемой, решит, что мистер Кэш солгал, и неоднократно? Таким образом, она утверждает, что мой подзащитный – лжец. А кто в здравом уме станет иметь дело с лжецом? Наш клиент – крупный бизнесмен, которого противная сторона пытается уничтожить по неизвестным нам причинам. С учетом всего вышесказанного суд, вероятно, сочтет справедливым обязать так называемую журналистку оплатить все понесенные издержки, а именно миллион фунтов стерлингов, а также выплатить компенсацию морального вреда.

Коллинз был вне себя от ярости; на сей раз уже Дженис пришлось похлопать его по руке. Он взял записи и встал, как только его коллега занял свое место.

– Сегодняшний процесс куда серьезнее, нежели обычное дело о клевете. Мужчина злоупотребляет своими финансовыми возможностями, чтобы заставить мою подзащитную замолчать. Какой журналист решится открыть истину, если его слова, зафиксированные на бумаге или произнесенные вслух, могут быть вырваны из контекста и обращены против него, могут полностью его разорить? Суд не должен обманываться подобными происками. Вопрос не в том, чтобы выяснить, солгал ли мистер Кэш о связях с российским правительством. И если бы мы хотели, чтобы этот процесс ограничился рассмотрением данного факта, то легко доказали бы, что он действительно солгал, и неоднократно, заявляя, что никогда не встречался с российским послом в Лондоне, а затем, спохватившись, признав, что один ужин все-таки имел место быть – один, два и, наконец, три. Мы удивились бы, что он поддерживает экономические связи с Россией, финансируя при этом кампанию Leave. EU, или что наши службы безопасности подозревают его жену в том, что она работает на КГБ. Удивляться же не преступление, верно? Становится ли спрашивающий лжецом? И, поскольку мы живем в демократической стране, что справедливо отметил мой коллега, предлагаю вашему вниманию возможную интерпретацию случившегося, пользуясь свободой, которая есть у каждого из нас. Позвольте мне задать один вопрос. Почему обвинители предъявили иск моей подзащитной, а не организатору конференции, на которой она высказалась, организатору, который, в отличие от нее, располагает значи-

тельными финансовыми средствами, ведь их более чем достаточно, чтобы компенсировать так называемый ущерб? И не газете, которая печатает ее статьи? Почему они нападают на нее, и только на нее? Ответ прост и вместе с тем ужасен. Истинное намерение истца и тех, кто его поддерживает, – заткнуть глотку всем, кто им досажает. Что это за люди, которые могут себе позволить потратить миллион фунтов на процесс под единственным предлогом, что вопросы, заданные в интересах общества, причиняют им ущерб? Мистер Кэш пытается добиться приговора не для журналистки за последствия ее двух фраз – он борется с самим принципом свободы мнений и их выражения, свободы прессы и ее читателей, потому что не желает видеть в наших газетах ничего, кроме восхвалений сильных мира сего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.